

Дискуссии

УДК 39(=511.13):811'373(470.34)(045)

С.К. Белых

ПАРАПЕРМЯНЕ НА ВЯТКЕ

В процессе дезинтеграции прапермской этноязыковой общности и сложения современных удмуртского и коми народов существенную роль играли не только прямые и непосредственные языковые предки удмуртов и коми (*эндопермяне*), но и другие этноязыковые группы, в совокупности с эндопермянами составлявшие прапермскую общность в широком смысле слова. Одним из таких компонентов были т. н. *парапермяне* — близкие в языковом отношении к эндопермянам группы, которые рано отделились от эндопермян и потому всё же существенно отличались от последних по своему языку. В ходе своей исторической эволюции парапермяне были ассимилированы иными этническими группами (в т. ч. эндопермянами) и не оставили прямых языковых потомков. Однако это не означает, что парапермяне исчезли совершенно бесследно. Следы их языков можно обнаружить в языках народов, чьи предки поглотили и ассимилировали их, а также в субстратной топонимии тех районов, где некогда обитали парапермяне. В статье рассматриваются некоторые элементы субстратной топонимии бассейна средней и нижней Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья, которые можно рассматривать как топонимический пласт, оставленный парапермским населением.

Ключевые слова: Вятско-Ветлужский регион, этническая история, предыстория, прапермская этноязыковая общность, топонимика, субстрат.

Одна из ключевых тем в этнической истории Волго-Уральского региона эпохи средневековья — проблема дезинтеграции прапермской (общепермской) этноязыковой общности и формирования на её основе современных коми и удмуртского народов. Этой теме был посвящён ряд работы автора этих строк [3; 4].

Важнейшей идеей, связующей нитью проходящей сквозь эти работы, было утверждение о том, что распад прапермской общности ни в коем случае не следует рассматривать как линейный процесс, состоящий из цепочки бифуркаций, в ходе которых прапермяне сначала разделились на пракоми и праудмуртов, затем пракоми разделились на коми-зырян и коми-пермяков, а праудмурты — на северных и южных удмуртов и т. д. К сожалению, такая излишне упрощённая и схематичная модель продолжает существовать в умах многих исследователей этнической истории нашего региона.

Полагаю, что в реальности процесс дезинтеграции прапермской общности был значительно более сложным, многогранным, в нём были задействованы самые разнообразные компоненты и действующие стороны. Прежде всего, отметим вероятную неоднородность прапермского этнического массива. Согласно предложенной В. В. Напольских принципиальной модели распада праязыковой общности [13], в ходе дивергенции прапермской общности должны были участвовать, как минимум, три основных компонента, в совокупности формирующие прапермскую этноязыковую общность в широком смысле слова.

1. *Эндопермяне* — прямые и непосредственные языковые предки современных коми и удмуртов. На основе их языков впоследствии сформировались нынешние коми и удмуртский, а посему именно эндопермян следует считать, так сказать, собственно прапермянами в узком смысле этого слова.

2. *Экзопермяне* — непермоязычные изначально группы населения, которые в ходе контактов и взаимодействия с эндопермянами усвоили пермскую речь и были эндопермянами поглощены и ассимилированы, став, таким образом, предками современных пермян и внося в их языки определённые особенности.

3. *Парапермяне* — близкие в языковом (и, вероятно, в этническом) отношении к эндопермянам группы, которые по тем или иным историческим причинам рано отделились от эндопермян, и потому в их языке (или языках) были существенные отличия от собственно прапермского (эндопермского) языка. Парапермские группы населения в ходе исторической эволюции были ассимилированы иными в этническом плане группами, как родственными (теми же эндопермянами, например), так и неродственными. Таким образом, парапермяне, в отличие от эндопермян, не оставили прямых языковых потомков. Это не означает, однако, что они исчезли совершенно бесследно. Следы их существования

можно обнаружить в виде субстрата в языках народов, поглотивших парапермян, в т. ч. — и в диалектах современных пермских языков, а также в субстратной топонимии тех районов, где парапермяне некогда проживали.

В отличие от эндопермян и экзопермян, понимание сущности которых в общем-то особых проблем и вопросов не вызывает, смысл и содержание понятия *парапермяне* не так просты и очевидны, как может показаться на первый взгляд. До сих пор никем не предложены сколько-нибудь чёткие критерии, ясно и недвусмысленно объясняющие этот термин. Собственно говоря, этот вопрос пока никак не обсуждался в научной литературе. Посему, как нам кажется, имеет смысл внести здесь некоторые уточняющие замечания.

С одной стороны, язык или языки парапермян должны были демонстрировать особую близость к прапермскому (эндопрапермскому), а значит, и к современным удмуртскому и коми (т. е. собственно пермским) языкам, что выделяло бы их на фоне прочих финно-угорских языков. С другой стороны, парапермские языки должны иметь некоторые существенные отличия от эндопермских, которые бы не позволяли их отождествлять с последними.

Ещё один вопрос, который встаёт перед исследователем: а где собственно жили эти самые парапермяне? Какие именно группы древнего населения нашего региона можно к ним отнести? В самом деле, если с локализацией прародины и районов дальнейшего расселения эндопермян ситуация сегодня представляется более или менее понятной [3; 4, с. 44–76], то с локализацией мест проживания парапермян ни о какой ясности пока и речи быть не может. Таким образом, само понятие *парапермяне* остаётся весьма умозрительным и чисто теоретическим.

Как представляется, положение дел в этой области стало меняться лишь в последние годы. Произошло это в связи с публикацией нескольких работ О. В. Смирнова, посвящённых языку населения бассейна средней и нижней Вятки эпохи раннего средневековья, оставившему там субстратную (дорусскую и домарийскую) топонимику [14; 15; 16].

До появления работ О. В. Смирнова исследованиями преемственности бассейна Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья I — начала II тыс. н. э. занимались преимущественно археологи, что не могло не иметь специфических последствий. Осуществляемые с опорой почти исключительно на данные и материалы археологии, эти исследования в части языковой (обычно ошибочно именуемой «этнической») интерпретации рассматриваемых археологических культур выглядят, по меньшей мере, слабо обоснованными, а зачастую и бездоказательными. Сильная сторона работ О. В. Смирнова состоит именно в том, что главная их опора — это языковые данные, вследствие чего можно восстанавливать языковую картину дописьменной истории (преемственности) региона.

Начиная с 1960–70-х гг. среди археологов, изучавших историю народов Волго-Камья, развернулась продолжающаяся по сей день дискуссия об «этнической принадлежности» памятников этого региона I тыс. н. э. Речь шла о памятниках первой его половины, относимых к *азелинской* археологической культуре (по В. Ф. Генингу) или *худяковской* культуре (по Р. Д. Голдиной), а также к последовательно сложившимся на этой основе культурам более позднего времени — *еманаевской* и *кочергинской* (по Р. Д. Голдиной).

Некоторые учёные рассматривали эти памятники как древнемарийские [1; 2; 17; 18], другие считали носителей этих культур пермянами — предками удмуртов [7; 8; 11]. В последние десятилетия, пожалуй, возобладали довольно стройная и логичная концепция Р. Д. Голдиной, согласно которой носителей всех вышеперечисленных культур следует связывать с предками удмуртского народа. Р. Д. Голдина позиционирует худяковскую культуру как западный вариант пьяноборской культурно-исторической общности, которую, в свою очередь, она рассматривает как археологический аналог праудмуртской общности. Таким образом, носителей худяковской (III–V вв.), еманаевской (V–IX вв.) и кочергинской (X–XII вв.) культур Р. Д. Голдина считает западными и юго-западными группами древних удмуртов [9, с. 329, 403].

Важно подчеркнуть, что О. В. Смирнов в своих изысканиях приходит к совершенно иным заключениям, прямо противоречащим построениям, изложенным выше. Пожалуй, главный его вывод при исследовании субстратной топонимики бассейна средней и нижней Вятки, а также Вятско-Ветлужского междуречья состоит в том, что эта топонимика не могла быть оставлена эндопермским населением, а посему следует отказаться от вышеупомянутого распространённого мнения об автохтонном происхождении удмуртов в Вятском бассейне [15, с. 25; 16, с. 15].

Вместе с тем исследователь указывает, что в восточных районах Марий Эл (к востоку от р. Большая Кокшага), сопредельных районах Кировской области, а также на левобережье Вятки (особенно в бассейне р. Кильмезь) обнаруживается субстратная топонимия, которая находит некоторые параллели в пермских языках (удмуртском и коми). По мнению О. В. Смирнова, сформировалась она, по большей части, именно в периоды существования худяковской и еманаевской археологических культур, приблизительно в середине — второй половине I тыс. н. э. О. В. Смирнов осторожно допускает, что эта топонимия могла быть оставлена парапермским населением, хотя более вероятным считает, что это был(и) язык(и), более всего близкие к поволжским финно-угорским (мордовским и марийскому), но с некоторыми (гораздо меньшими) чертами сходства с пермскими языками [16, с. 17–18, 20].

Попробуем рассмотреть некоторые характерные особенности языка/языков данного населения, на которые обратил внимание О. В. Смирнов.

Анализируя этимологию гидронимов бассейна р. Кильмезь, левобережья средней Вятки, а также примыкающих районов её правобережья, содержащих топоформанты на *-Vz/-Vk* (*-эк/-ек/-эз/-ез/-ук/-ык/-уз/-ыз/-ук/-юк/-уз/-юз*), О. В. Смирнов высказывает обоснованное предположение, что население, оставившее эти топонимы, не было пермским или прапермским в узком смысле слова (т. е. эндопермским). По мнению исследователя, этот язык можно классифицировать как парапермский [15, с. 33].

На такой вывод учёного наталкивают некоторые фонетические особенности данного языка, которые выглядят как «допермские», т. е. характерные для языка предков пермян ещё до выделения из раннепрапермского массива собственно прапермской (эндопермской общности). В языке эндопермян эти особенности в ходе исторической эволюции были утрачены, но они могли сохраняться в языках парапермских групп. Здесь особо укажем на то, что в лингвистических реконструкциях под термином *прапермский язык* обычно понимается праязык эндопермян (языковых предков удмуртов и коми) непосредственно накануне или в период его распада. Парапермские языки под это понятие никак не подпадают, т. к. они отделились от эндопермского языка раньше, ещё в «допермскую» или, лучше сказать, раннепрапермскую эпоху, а потому в некоторых своих чертах могли иметь «допермский» облик.

К вышеупомянутым особенностям О. В. Смирнов относит:

1. Отсутствие выпадения конечного согласного в топоформанте *-Vz/-Vk*.

Дело в том, что данный формант, как считает О. В. Смирнов, восходит к прафинно-угорскому **joke* ‘река’, которое в коми языке превратилось в *ю* ‘река’ (т. е. без конечной согласной) [15, с. 31], а в удмуртском — по мнению автора, данная лексема не сохранилась.

Два замечания. Во-первых, по нашему мнению, сомнительно, что все приведённые О. В. Смирновым топонимы на *Vz/-Vk* обладают формантами, относящимися к прафинно-угорскому **joke* ‘река’. Мы говорим, прежде всего, о топонимах с формантами *-эз/-ез/-эк/-ек* и, возможно, *-уз/-ыз/-ук/-ык*.

Вполне вероятно, что эти топоформанты скорее связаны с имеющимися в пермских языках дериивационными именными аффиксами: удм. *-эз*, *-ыз*, коми *-ӧз*. Они встречаются у существительных и, особенно часто (в удмуртском), у прилагательных. Примеры: удм. *ӓзез* ‘гусь’, *курег* ‘кураца’, *путэз* ‘трещина, щель’, *валез* ‘скользящий, гладкий’, *ӓрег* ‘узкий, тесный’, *ланез* ‘низкий, невысокий’, *сюлэз*, *сюбег* ‘узкий’; кз. *дзодзӧг* ‘гусь’, *курӧг* ‘кураца’ и т. п. Несколько реже встречаются в удмуртском языке слова с аффиксом *-ыз*: *улыг* ‘низменность, низина; низкий’ (*ул* ‘низ’), *лайыз* ‘ложбина, отлогое место’ (ср. *лаймыт* ‘пологий, отлогий’, где *-мыт* — аффикс прилагательных), *ӓрыг* ‘узкий, тесный’, *ышыг* ‘прохладный, холодный’ (*ыш-ыш* — междометие, выражающее состояние холода, когда человек мёрзнет) и т. п. Думаем, что, по крайней мере, часть из приводимых О. В. Смирновым топонимов могла быть образована при помощи подобных именных аффиксов.

Во-вторых, как нам представляется, хотя бы часть топонимов на *-юк/-ук* может иметь собственно удмуртское происхождение. Прежде всего, укажем на то, что, на наш взгляд, слова, восходящие к прафинно-уг. **joke* ‘река’ имеются **во всех** современных пермских языках. Обычно здесь указывают на коми слово *ю* ‘река’, не обращая внимания на то, что и в удмуртском языке эта лексема присутствует: удм. *люкмес* ‘прорубь, полынья’ и его диалектный вариант с более старым фонетическим обликом — *юкмес*, точнее первая часть этого двусложного слова — *люк/-юк*. В коми языках удмуртскому слову соответствует *юкмӧс* ‘колодец; прорубь’. Компонент *-мес/-мӧс*, видимо, является деэтимологизированным словом, когда-то означавшим ‘источник воды’, ср. напр. удм. *ошмес* ‘родник, ключ’ и коми диал. *ӧшмӧс* ‘колодец, прорубь, источник’. Таким образом, начальное значение удмуртского *люк-мес/юкмес* можно понимать как ‘источник воды на реке’.

На территории Удмуртии имеется немало топонимов, в которых присутствует компонент *люк*, либо как топооснова, либо как топоформант: *Люк*, *Лозолок*, *Покчилюк*, *Люкишудья*, *Люквыр* и т. п. Обычно это названия рек или населённых пунктов, получивших своё название от названия местной реки. Таким образом, например, приводимый О. В. Смирновым гидроним *Куклюк* [15, с. 30, 33, 46], вполне убедительно может быть этимологизирован из удм. *кык* ‘два’ + *люк*.

Тем не менее, нельзя не согласиться с О. В. Смирновым в том, что далеко не все из данных топонимов могут иметь собственно пермское (эндопермское) происхождение. Например, по фонетическим причинам вряд ли можно считать эндопермскими топонимы, содержащие формант *-юг/-уг*: *Вьюг*, *Мурдюг*, *Пыртюг*, *Матюг*, *Пычуг*, *Сюнуг*, *Чурмуг* и т. п. [15, с. 30]. Именно данные топонимы, как мы полагаем, могут претендовать на парапермское происхождение.

Примером возможной парапермской этимологии мы бы предложили гидроним *Мурдюг*, упоминаемый в списке О. В. Смирнова [15, с. 30, 48]. Первую часть *Мур-* можно связать с удм. *мур* ‘глубокий’; в коми, насколько нам известно, этот корень не сохранился. Компонент *-д-* может быть остатком распространённого общепермского аффикса прилагательных, к которому фонетически ближе всего зырянский суффикс *-ыд* (ср. напр. кз. *чорыд* ‘твёрдый’, *югыд* ‘светлый’ и т. п.). В удмуртском и пермяцком этому зырянскому суффиксу соответствует *-ыт* (напр. удм. *чурыт* ‘твёрдый’, *югыт* ‘светлый’). В удмуртском языке существует некоторое количество прилагательных, которые могут употребляться и с данным суффиксом, и без него: *ляб/лябыт* ‘слабый’, *кös/кösыт* ‘сухой’, *меi/меiыт* ‘крутой’ и т. п. Заметим, однако, что форма *мурыт* в удмуртском, видимо, отсутствует. Существуют примеры подобных прилагательных и в коми языке: кз. *гöрд/гöрдыд* ‘красный’, *кос/косыд* ‘сухой’ и т. п. Кроме того, есть случаи, когда в одном из пермских языков прилагательное употребляется без данного аффикса, а в другом — с таким аффиксом; ср. напр., удм. *жог* ~ кз. *регыд* ‘быстрый, скорый’; удм. *еж* ‘неспелый, незрелый’ ~ кз. *еджыд* ‘белый, чистый; неспелый, незрелый’ и т. п.

На наш взгляд, вполне мыслима такая изначальная конструкция — **Мурыд-юг*, т. е. ‘глубокая река’. Обратим внимание, что это название находит параллели в живых пермских языках, но при этом не может считаться ни удмуртским, ни коми. Его топооснова фонетически и лексически занимает как бы смежное положение с удмуртским и зырянским языками, как бы примыкает к ним, не совпадая ни с тем, ни с другим, а топоформант, хотя и близок фонетически к аналогичным лексемам коми и удмуртского языков, всё же значимо отличается от оных. В итоге данный топоним может рассматриваться как название на парапермском языке, в котором существовали прилагательное **мурыд* ‘глубокий’ и существительное **юг* ‘река’.

Название некоторых других рек на *-юг/-уг*, таких как *Матюг(а)*, *Пычуг*, *Сюнуг*, *Вьюг* [15, с. 30] и др. тоже небезынтересны. Их топоосновы находят вполне приемлемые пермские этимологии, но при этом их топоформанты, как уже говорилось выше, вряд могут считаться эндопермскими, т. к. фонетически они всё же существенно отличаются от коми и удмуртских.

В самом деле, например, р. *Вьюг* — ср.: а) удм. диал. *ви* ‘равнина между двумя речками’; или б) удм. *вияны* ‘течь, струиться, вытекать, литься’, коми *виявны* ‘течь, стекать, протекать’; ср. также весьма распространённый на удмуртской территории топоним *Вишур* (где *шур* ‘река, речка’);

р. *Пычуг* — ср. удм. *пичи*, диал. *почи*, *пöчи* ‘маленький’ [другой вариант этимологии — 15, с. 50];

р. *Матюга* (**Матюг*) — ср. общепермский корень *мат-* ‘близкий, близко’ [15, с. 33];

р. *Сюнуг* — ср. коми *сюн* ‘глина; глинистый’ [15, с. 52].

2. Отсутствие топонимов со следами деназализации и присутствие топонимов, где деназализации нет [15, с. 33].

Действительно, исследователь приводит довольно значительное число топонимов, в которых отсутствует деназализация (т. е. исчезновение носовых согласных в некоторых сочетаниях согласных), столь характерная для удмуртского и коми языков. В то же время вывод автора о полном отсутствии в данном регионе топонимов со следами деназализации выглядит, как мы полагаем, несколько поспешным. Так, в качестве одного из примеров топонимов без деназализации он приводит гидронимы *Индик*, (левобережье средней Вятки), *Индыгойка* (правобережье средней Вятки). Однако в том же списке мы видим название другой реки — *Идык*, тоже на левобережье средней Вятки, к востоку и юго-востоку от первых двух гидронимов [15, с. 30, 44], что с известной осторожностью можно воспринимать как свидетельство того, что в языке (или языках), сохранившем данные топонимы, деназализация всё же была известна, хотя и не была столь последовательна, как в собственно пермских языках.

Здесь интересна прямая параллель с марийским языком, где тоже фиксируется спорадическая деназализация в некоторых сочетаниях согласных. Она тоже не столь последовательна, как в пермских языках, и расценивается лингвистами как субстратное явление [10, с. 53–54].

3. Отсутствие в данных топонимах следов прапермской лабиализации гласных [15, с. 33].

Как пример О. В. Смирнов приводит название р. *Сердик*, сопоставляя его с удм. *сурд* 'роща', кз. *сорд* (в топонимии) 'разновидность леса', и выводит из «допермского» *sertz [12, с. 261]. Таким образом, по мнению учёного, этот топоним выступает фактически с «допермским» вокализмом, без пермской лабиализации [15, с. 33, 51].

4. Наличие у данной субстратной топонимии большого количества параллелей в марийском, саамском, прибалтийско-финских языках при отсутствии таковых в языках пермских [15, с. 33].

Действительно, О. В. Смирнов приводит довольно много подобных примеров. Со многими из них можно согласиться, но, в то же время, нельзя не указать на то, что в ряде случаев предлагаемые им этимологии могут иметь вполне приемлемые пермские альтернативы, как, например, в случае с гидронимом *Куклюк* (см. выше).

* * *

Продолжая исследование топонимии бассейна Вятки, О. В. Смирнов в юго-восточной части Вятско-Ветлужского междуречья (центр и восток Республики Марий Эл, а также сопредельные районы Кировской области) выделил довольно крупные массивы топонимов, которые могут быть этимологизированы от топооснов в их прапермском или «допермском состоянии» [16, с. 9–11, 13–14].

Так, например, вычлняя топонимы, имеющие фонетический облик, близкий к прапермскому состоянию, О. В. Смирнов обращает особое внимание на те из них, в которых фигурирует лабиализованный звук у [u] (в марийских формах часто *ɥ*) на месте прапермского *i, при делабиализованном удмуртском и коми *ы*, напр.:

— мар. р. *Вуль* (русская адаптация — *Виль*), ср. праперм. *vül 'новый' или *vül 'верхний', при удм., кз. *виль* 'новый', *выл* 'верхний' [12, с. 71, 72; 16, с. 9];

— основа *тул-*: рр. *Тула*, *Тулубайка*, ср. праперм. *tūla 'подлесок, роща', при удм. *тыло* 'подлесок, лесок, роща', кз. *тыла* 'подсека' [12, с. 292; 16, с. 10]. Данная основа довольно продуктивна в удмуртской топонимии: в Удмуртии распространены топонимы типа *Тылой*, *Тыловой*, *Тылошур* и т. п., ср. коми-зырянские топонимы типа *Тылай*, восходящие к тому же корню, однако фонетически отличающиеся своей делабиализацией.

Кроме того, О. В. Смирнов отмечает наличие в Вятско-Ветлужском междуречье субстратной топонимии, содержащей топоосновы, близкие к пермским, но фонетически имеющие «допермский» облик, т. е. более архаичный, чем прапермский. Напр.:

— топонимы с основой *серд-*: н. п. *Сердеж* (два топонима), р. *Сердежка*, р. *Сердяжка*, р. *Сердик*, без лабиализации корневого гласного, характерной для пермских языков; ср. доперм. *sertz, при праперм. *sōrd, кз. уст. *сорд*, удм. *сурд* 'роща' [12, с. 261; 16, с. 13];

— р. *Юнга* (мар. *Йынгы*), н. п. *Юнга* с отсутствием деназализации, присущей пермским языкам; ср. доперм. *j8ŋkz, при кз. *югыд* 'светлый, чистый, прозрачный', удм. *юг*, *югыт* 'светлый' [12, с. 334; 16, с. 13];

— топонимы с основой *пыч-/пыж-/пиж-/пыжм-* (я бы добавил ещё и форму *пижм-*): р. *Пыча*, р. *Пычуг*, р. *Пыжа* (*Пыжанка*), р. *Пижанка* (четыре названия), р. *Пыжма*, р. *Пыжманка* (а на ней н. п. *Сосновка*) и др., с допермским вокализмом (до лабиализации корневого гласного, характерного для пермских языков: ср. удм. *пужым*, кз. *пожѳм*, кп. *пожум* 'сосна') и в большинстве случаев без суффикса *-м*, ср. ф.-перм. *rečä/*repčä [20, s. 727], при праперм. *rožet 'сосна' [12, с. 223]; в отношении сужения корневого гласного ср. морд. *тиче*, мар. Г *пѳнжсѳ* 'сосна' [16, с. 13].

По поводу последней топоосновы сделаем несколько уточняющих замечаний. Во-первых, нет уверенности, что существует прямая связь между топоосновами *пыч-/пыж-/пиж-* с одной стороны и *пыжм-/пижм-* — с другой, хотя такая связь и не исключена.

На наш взгляд, топооснова *пыч-* может иметь отношение, например, к удм. *пичи* 'маленький' (см. выше), а *пыж-/пиж-* могут не иметь отношения к понятию 'сосна, сосновый', а быть связанными, напр., с удм. *пож* 'грязный, мутный', коми *пеж* 'поганный, нечистый, грязный'. Причём отсутствие лабиализации корневого гласного затрудняет возможность считать данные топоосновы удмуртскими и делает соблазнительным их сопоставление с прапермской (*pež) или «допермской» (*rčä) формами [12, с. 218], позволяя предположить парапермское происхождение данных топонимов.

Во-вторых, О. В. Смирнов почему-то не привёл в данном фрагменте своей статьи ещё один топоним: название правого притока Вятки р. *Пижда*, хотя в общем списке и прилагаемой им карте этот гидроним обозначен [16, с. 11]. Полагаем, что данный гидроним стоит упоминания уже потому, что это название одного из самых крупных притоков Вятки и одной из самых значительных рек Вятско-Ветлужского междуречья.

Нельзя не обратить внимания на то, что топооснова *пыжм-/пижм-* фонетически очень близка именно пермским (удмуртскому и коми) названиям сосны, но полностью с ними не совпадает, отличаясь только отсутствием огубления корневой гласной, характерной для пермских языков. В то же время, эта топооснова фонетически гораздо сильнее отличается от соответствующих лексем других известных финно-угорских языков. Вновь мы сталкиваемся со случаем, когда фонетически топооснова максимально сближается с соответствующей пермской лексемой, но не совпадая с нею полностью, является, таким образом, в буквальном смысле слова *парапермской*, т. е. «околопермской».

Анализ топонимии бассейна средней Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья позволил О. В. Смирнову высказать совершенно обоснованные и справедливые сомнения в правоте части археологов, рассматривающих данный регион как территорию, на которой эндопермяне (удмурты) были автохтонным населением [16, с. 15–16], что хорошо коррелирует с нашим заключением от том, что прародина пермян — предков удмуртов и коми — должна быть локализована существенно восточнее и северо-восточнее бассейна Вятки: в бассейне средней и, возможно, отчасти верхней Камы [3, с. 267–274; 4, с. 65–76].

О. В. Смирнов полагает, что в юго-восточной части Вятско-Ветлужского междуречья в домарийское время (т. е. приблизительно до рубежа I–II тыс. н. э.) в этом регионе был распространён непермский язык (или языки), которому были присущи лексические изоглоссы, объединяющие его с пермскими языками [16, с. 15–16]. Уточним: в данном случае учёный под термином «непермский», по всей видимости, имеет в виду язык, не имеющий прямого отношения к современным пермским языкам, т. е. язык (или языки) неэндопермский.

Констатируя сложность, многосоставность и многослойность топонимии бассейна средней Вятки, О. В. Смирнов, в частности, осторожно указывает на возможное наличие в южной части данной территории «какого-то парапермского» топонимического слоя [16, с. 18].

Подытоживая произведённый им в двух объёмных статьях анализ субстратной топонимии Вятского бассейна [15; 16], сведём его основные выводы к нескольким положениям:

1. В противоположность бассейну р. Ветлуга, который, по всей видимости, был в эпоху средневековья территорией расселения поволжских финно-угров, близких по языку современной мордве и/или марийцам, бассейн Вятки (в её среднем и нижнем течении) был, вероятно, территорией, где были распространены «постананьинские парапермские языки» [15, с. 41].

2. Бассейн Вятки не может рассматриваться как область пермской прародины, т. е. не может считаться территорией, где проживала собственно прапермская (эндопермская. — С. Б.) прязыковая общность как общность прямых языковых и этнических предков современных коми и удмуртов. Пермскую прародину следует локализовать в более восточных районах [15, с. 41; см. также: 3, с. 267–274; 4, с. 65–76].

3. Предшественниками марийцев, которые на рубеже I–II тыс. н. э. начинают активно заселять Вятско-Ветлужское междуречье, были непермские (неэндопермские. — С. Б.) племена [16, с. 21].

По поводу последнего тезиса: есть все основания полагать, что пермяне в узком смысле слова (эндопермяне — языковые предки удмуртов и коми) не были предшественниками марийцев в Вятско-Ветлужском междуречье. Однако есть, как нам представляется, достаточно веские основания предполагать, что этот регион, по крайней мере частично, был в предмарийское время заселён группами, говорившими на языках или диалектах, довольно близких удмуртскому и коми языкам, хотя и не являющихся непосредственными предками последних. Подобные, близкие по языку эндопермянам, но всё же несколько отстоящие от них группы населения были, видимо, в эту же эпоху расселены и на левобережье средней и нижней Вятки.

Полагаем возможным и даже вероятным, что вышеупомянутое население Вятско-Ветлужского междуречья и левобережья средней и нижней Вятки было парапермским по языку, для чего у нас есть следующие основания:

1. Довольно часто топонимы данного региона, имеющие достаточно надёжные пермские этимологии, фонетически в своих топоосновах или топоформантах демонстрируют облик, более архаичный, чем собственно прапермский (см. выше, напр., *Сердик*, *Сердеж*, *Пыжда*, *Пыжманка*, *Пижда*, *Юнга* и т. п.). Вслед за О. В. Смирновым считаем, что эти топонимы могут претендовать на парапермское про-

исхождение. Ещё раз повторим: собственно прапермский язык реконструируется в состоянии, которое было характерно для него непосредственно перед или даже в период распада общности этноязыковых предков современных коми и удмуртов. Парапермские группы должны были отделиться от этнопермян в существенно более раннее (раннепрапермское или «допермское») время, и потому их язык/языки не подпадал(и) под некоторые собственно пермские (эндопермские) инновации.

2. Некоторые топонимы рассматриваемой группы имеют топоосновы, которые можно неплохо этимологизировать на основе пермского (удмуртского и коми) лексического материала, но при этом их топоформанты, хотя и имеют пермские соответствия, фонетически от таковых существенно отличаются (см. выше, напр. *Вьюг, Пычуг, Матюг, Сюнуг*). Как отметил О. В. Смирнов, в финно-угорской топонимии топооснова обычно датируется тем же периодом, что и топоформант, или более ранним временем [15, с. 12]. В таких условиях весьма вероятно предположение о парапермском происхождении и упомянутых топооснов, и их топоформантов.

3. Часть топонимов фонетически сближается не только с современными пермскими языками, но и, в ещё большей мере, с пермским праязыком (см. выше, напр. *Вуль/Виль, Тула, Тулубайка*). Однако на сегодня мы можем с большой долей уверенности утверждать, что в интересующее нас время (т. е. в I — начале II тыс. н. э.) пермская прародина располагалась значительно восточнее и северо-восточнее бассейна средней и нижней Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья, а именно: на средней и, возможно, отчасти верхней Каме (см. выше). В таком случае вполне логичным было бы отнести данные топонимы к парапермским.

4. О. В. Смирнов особо отмечает, что в значительном числе случаев прапермские этимологии не имеют лексического продолжения в удмуртском языке, а находят соответствия только в коми диалектах [16, с. 16]. На наш взгляд, это хорошо объяснимо большей консервативностью коми языков, лучшей сохранностью в них лексического фонда прапермской и допермской эпох, в сравнении с более склонным к инновациям удмуртским языком. Если это предположение верно, то, с учётом пункта 3, упомянутые топонимы также могут иметь парапермское происхождение.

Здесь вновь не можем не указать на интересную параллель с марийским языком. Исследовавший пермские лексические заимствования в марийском языке венгерский исследователь Г. Берецки отмечал, что существенная их часть имеет параллели только в коми диалектах и не имеет таковых в удмуртском языке. Г. Берецки считал эти слова прапермскими или праудмуртскими заимствованиями [19, с. 97–129]. Однако, с учётом вышесказанного, есть все основания предполагать хотя бы для части этих лексем парапермское происхождение.

5. Особенно показательны случаи, когда субстратные топонимы выглядят фонетически, морфологически и лексически очень близко к соответствующим пермским (коми, удмуртским) лексемам, сближаются с ними значительно больше, чем с аналогичными лексемами других финно-угорских языков, но, в то же время, значимо отличаются от коми и удмуртских слов (см. выше: *Мурдюг, Пижда, Пыжда, Пыжданка*). Как раз такие топонимы наилучшим образом подходят для того, чтобы именоваться *парапермскими*, так как, выражаясь простым языком, выглядят они, так сказать, именно как «околопермские» или, если угодно, «почти пермские».

Думаем, что более углублённые исследования предоставят в наше распоряжение и другие подобные примеры. Такого же рода пример: название притока р. Немда — р. *Лаж* (мар. *Лаж вӱд*), протекающей по Сернурскому и Куженерскому районам Марий Эл и Лебяжскому району Кировской области. Составители топонимического словаря Республики Марий Эл считают данный гидроним пермским по происхождению и сопоставляют его с кз. *лажмыд* ‘мелкий, неглубокий; невысокий, приземистый; отлогий, покатый’ и удм. *лазег* ‘неглубокий, мелкий’ [6, с. 175]. Однако бросается в глаза то, что этот гидроним, хотя и близок фонетически к удмуртскому апеллятиву, но всё же несколько отличается от него (конечному *-ж* названия реки в удмуртском соответствует *-з'*). Даже если допустить, что здесь под влиянием марийского языка имел место фонетический сдвиг *з' > ж*, нельзя не заметить, что и удмуртское, и коми слова со значением ‘мелкий, неглубокий’ употребляются только с соответствующими именными аффиксами (кз. *-мыд*, удм. *-эг*), а в случае с означенным гидронимом мы имеем дело с голой основой. Таким образом, сложно считать данный гидроним удмуртским или прапермским в узком смысле слова (эндопермским), а вот парапермское его происхождение более вероятно.

Наряду с данными топонимиками, предположение о наличии парапермского компонента в языковой карте населения бассейна средней и нижней Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья I тыс. н. э. подтверждается и некоторыми субстратными явлениями марийского языка. Этот вопрос довольно подробно освещён нами ранее [5], а посему остановимся лишь на наиболее важных выводах:

— в фонетике, морфологии и лексике марийского языка отмечаются явления и элементы, особо сближающие его с пермскими языками;

— часть этих явлений может объясняться субстратным и/или суперстратным влиянием удмуртского языка. Особенно это касается марийских говоров так называемой восточной диалектной зоны (говоров восточно-марийского наречия и части луговых говоров марийского языка), т. е. тех марийских диалектов, которые имели длительные контакты с удмуртским языком. Контакты эти зачастую завершались ассимиляцией марийцами местных удмуртов, что приводило к появлению в данных марийских диалектах удмуртского субстрата или суперстрата;

— в то же время не все упомянутые фонетические, морфологические или лексические параллели в марийском языке могут иметь удмуртское или вообще эндопермское происхождение. В ряде случаев они затрагивают не только марийские говоры восточной диалектной зоны, но и прочие марийские диалекты, где говорить об удмуртском (или прапермском) влиянии крайне затруднительно по причинам лингвогеографическим. В других случаях фонетические явления, сближающие марийский язык с пермскими языками, обнаруживаются в финно-угорских по происхождению лексемах, которых нет в пермских языках. Следовательно, считать данные слова удмуртскими или эндопермскими заимствованиями невозможно, а вот их парапермское происхождение вполне вероятно [5, с. 77–79].

* * *

Подводя некоторый итог, заключим, что тема парапермского компонента на Вятке никоим образом не может пока считаться исследованной в достаточной мере. Приведённые в настоящей статье аргументы нуждаются в дальнейшем, более углублённом исследовании и подтверждении, требуют более развёрнутой и убедительной доказательной базы. Однако, как полагаем, и в данном виде они представляют определённый интерес и могут послужить основой для дальнейшего изучения вопроса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

диал. — диалектное;
доперм. — допермское;
кз. — коми-зырянский язык;
мар. — марийский язык;
мар. Г — горномарийский язык;
морд. — мордовские языки;
напр. — например;
н. п. — населённый пункт;
праперм. — прапермский язык, пермский праязык;
прафин.-уг. — прафинно-угорский язык, финно-угорский праязык;
р. — река;
см. — смотрите;
ср. — сравните;
удм. — удмуртский язык;
уст. — устаревшее;
ф.-перм. — финно-пермский праязык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипов Г. А.* Марийцы в IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1973. 197 с.
2. *Архипов Г. А.* Марийско-удмуртские этнокультурные связи. К вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 63–71.
3. *Белых С. К.* К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 245–281.
4. *Белых С. К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 150 с.
5. *Белых С. К.* К вопросу об этнической принадлежности населения Вятско-Ветлужского региона в I тыс. н. э. // Вестн. Удм. ун-та. История и филология. Вып. 1. 2014. С. 73–81.
6. *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл. Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.
7. *Генинг В. Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1967. С. 271–278.

8. *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 6–37.
9. *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удм. ун-т, 1999. 463 с.
10. *Казанцев Д. Е.* Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1985. 159 с.
11. *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
12. *Лыткин В. И., Гуляев В. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
13. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 268 с.
14. *Смирнов О. В.* Опыт этнического моделирования для этимологизации топонимов в ареале еманаевской археологической культуры // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Междунар. науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2012. С. 218–220.
15. *Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (В свете этнической интерпретации археологических культур). Ч. 1 // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 7–59.
16. *Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (В свете этнической интерпретации археологических культур). Ч. 2 // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 7–33.
17. *Халиков А.Х.* Об этнических основах марийского народа // Археология и этнография Марийского края. Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. С. 14–37.
18. *Халиков А. Х.* Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 43–50.
19. *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. II. / Studia Uralo-Altaica, 34. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József, 1992. 154 p.
20. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. 905 p.

REFERENCES

1. *Arkhipov G. A.* Mariytsy v IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda [The Mari in the 9–11 centuries. To the question about the origin of the Mari people]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1973, 197 p. (In Russian).
2. *Arkhipov G. A.* Mariysko-udmurtskie etnokul'turnye sv'azi. K voprosu ob azelinskom komponente v mariyskom i udmurtskom etnose [Mari-Udmurt ethno-cultural relations. To the question about the Azelino component in the Mari and Udmurt ethnicity]. Materialy po etnogenezu udmurtov [Materials on the Udmurt ethnogenesis]. Izhevsk, Ed. of the Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, 1982, pp. 63–71. (In Russian).
3. *Belykh S. K.* K voprosu o lokalizatsii prarodiny perm'an [To the question about the Permian homeland localization]. Permskiy mir v rannem srednevekov'ye [The Permian world in the early middle ages]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999, pp. 245–281. (In Russian).
4. *Belykh S. K.* Problema raspada prapermskoy etnoyazykovoy obschnosti [The problem of the Proto-Permian ethno-linguistic community disintegration]. Izhevsk, "Udmurt University" Publ., 2009, 150 p. (In Russian).
5. *Belykh S. K.* K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya V'atsko-Vetluzhskogo regiona v I tys. n. e. [To the question of the Vyatka-Vetluga region population ethnicity in the 1-st millennium AD]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2014, issue 1, pp. 73–81. (In Russian).
6. *Vorontsova O. P., Galkin I. S.* Toponimika Respubliki Mariy El (Istoriko-etimologicheskii analiz) [Mari El Republic toponymy (History-etymological analysis)]. Yoshkar-Ola, Mari Poligrafkombinat Publ., 2002, 424 p. (In Russian).
7. *Gening V. F.* Etnogenez udmurtov po dannym arkheologii [The Udmurt ethnogenesis on archeological data]. Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniiya [Finno-Ugric Linguistics Questions]. Issue IV. Izhevsk, "Udmurtiya" Publ., 1967, pp. 271–278. (In Russian).
8. *Goldina R. D.* Problemy etnicheskoy istorii permskikh narodov v epokhu zheleza (po arkheologicheskim materialam) [Problems of the Permian peoples' history in the epoch of iron (on archeological materials)]. Problemy etnogeneza udmurtov [Problems of the Udmurt history]. Ustinov, Ed. of the Scientific Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, 1987, pp. 6–37. (In Russian).
9. *Goldina R. D.* Drevn'aya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk, "Udmurt University" Publ., 1999, 463 p. (In Russian).
10. *Kazantsev D. E.* Formirovaniye dialektov mariyskogo yazyka (v sv'azi s proiskhozhdeniyem mariytsev) [The formation of the dialects of the Mari language (in connection with the origin of the Mari people)]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1985, 159 p. (In Russian).
11. *Kozlova K. I.* Ocherki etnicheskoy istorii mariyskogo naroda [Essays on the ethnic history of the Mari people]. Moscow, Moscow State University Press, 1978, 344 p. (In Russian).

12. *Lytkin V. I., Gul'ayev V. S.* Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi Publ. House, 1999, 431 p. (In Russian).
13. *Napol'skikh V. V.* Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku [An introduction to historical Uralic studies]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1997. 268 p. (In Russian).
14. *Smirnov O. V.* Opyt etnicheskogo modelirovaniya dl'a etimologizatsii toponimov v areale yemanayevskoy arkheologicheskoy kul'tury [An experience of ethnic modeling in the area of the Yemanayevo archeological culture]. Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchmoy konferentsii. Chast' 1 [Ethnolinguistics. Onomatology. Etymology. Materials of the 2-nd International scientific conference]. Yekaterinburg, Ural University Press, 2012, pp. 218–220. (In Russian).
15. *Smirnov O. V.* K voprosu o permskom toponimicheskom substrate na territorii Mariy El i v bassejne srednego techeniya reki V'atki (V svete etnicheskoy interpretatsii arkheologicheskikh kul'tur). Chast' 1 [To the question of the Permian toponymic substrate on the Mari El Republic territory and in the Middle Vyatka basin (In the light of ethnic interpretation of the archeological cultures). Part 1. Voprosy onomastiki [Questions of the Onomatology], 2013, no. 2 (15), pp. 7–59. (In Russian).
16. *Smirnov O. V.* K voprosu o permskom toponimicheskom substrate na territorii Mariy El i v bassejne srednego techeniya reki V'atki (V svete etnicheskoy interpretatsii arkheologicheskikh kul'tur). Chast' 2 [To the question of the Permian toponymic substrate on the Mari El Republic territory and in the Middle Vyatka basin (In the light of ethnic interpretation of the archeological cultures). Part 2. Voprosy onomastiki [Questions of Onomatology], 2014, no. 1 (16), pp. 7–33. (In Russian).
17. *Khalikov A. Kh.* Ob etnicheskikh osnovakh mariyskogo naroda [On the ethnic bases of the Mari people] // Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya. Vyp. 1 [Archeology and ethnography of the Mari region. Issue 1]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1976, pp. 14–37. (In Russian).
18. *Khalikov A. Kh.* Nekotoryye novyye aspekty v etnogeneze udmurtskogo naroda [Some new aspects in the Udmurt people ethnogenesis]. Novyye issledovaniya po etnogenezu udmurtov [New studies on the Udmurt ethnogenesis]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1989, pp. 43–50. (In Russian).
19. *Berezki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. II [Basic features of the Cheremis language history. II]. Studia Uralo-Altaica, 34. Szeged, Universitas Szegediensis de Attila József, 1992, 154 p. (In German).
20. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch [An Uralic etymological dictionary]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1986–1991, 905 p. (In German).

Поступила в редакцию 15.02.17

S.K. Belykh

PARA-PERMIANS IN THE VYATKA REGION

During the disintegration process of the Proto-Permian ethno-linguistic community and the further formation of the modern Udmurt and Komi peoples not only the direct and immediate linguistic ancestors of the Udmurts and Komi (*Endo-Permians*) took part, but also other ethno-linguistic groups played their especial role. Those groups in conjunction with the Endo-Permians were the Proto-Permian community in a broad sense of the word. One of such components was the so-called *Para-Permians* who were rather close linguistically to the Endo-Permians, but they had separated from the Endo-Permians relatively early and therefore linguistically differed significantly from the last ones. In the course of their historical evolution, the Para-Permians were assimilated by other ethnic groups (including the Endo-Permians) and left no direct linguistic descendants. However, this does not mean that the Para-Permians disappeared completely without a trace. Traces of their languages can be found in the languages of the peoples whose ancestors have assimilated them, as well as in the substrate toponymy of those areas where the Para-Permians lived in the past. The article discusses some elements of the substrate toponymy of the middle and lower Vyatka basin and the Vyatka-Vetluga region, which can be regarded as a toponymic layer, left by the Para-Permian population.

Keywords: Vyatka-Vetluga region, ethnic history, prehistory, Proto-Permian community, toponymy, substrate.

Белых Сергей Константинович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: bibulus@e-izhevsk.ru

Belykh S.K.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of History, Theory and Practice
of Social Communications
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: bibulus@e-izhevsk.ru